

Артур Конан Дойл. Дезинтеграционная машина

Профессор Челленджер пребывал в прескверном расположении духа. Взявшись за ручку двери, я замер в нерешительности перед его кабинетом и услышал нижеследующий монолог; слова гремели и отдавались по всему дому:

- Да, я говорю, что вы второй раз ошиблись номером. Второй, за одно утро! Вы что, воображаете, будто какой-то идиот на другом конце провода может отвлекать ученого от серьезной работы своими назойливыми звонками? Я не потерплю этого! Алло, сию же минуту пошлите за управляющим вашей бездарной телефонной лавочки! А, вы и есть управляющий?! Так почему же, в таком случае, вы не управляетесь? Да, разумеется, вы управились с тем, что позволили отвлечь меня от дела, - дела, важность которого вашему уму не дано понять! Я желаю связаться с главным распорядителем. Что, его нет? Этого и следовало ожидать! Я отдам вас под суд, сэр, если подобное повторится! Ведь наказали же горластых петухов. Да, это я добился их осуждения. Наказали петухов, а с какой стати терпеть дребезжание телефона? Все ясно. Извинение в письменном виде? Очень хорошо. Я рассмотрю его. Доброго утра!

Именно после этих слов я отважился переступить порог. Безусловно, время я выбрал не самое удачное. Когда Челленджер положил телефонную трубку, я очутился не перед профессором - передо мной был разъяренный лев! Его огромная черная борода топорщилась, могучая грудь негодующе вздымалась. Он окинул меня с головы до пят взглядом надменных серых глаз, и на меня обрушились последствия его гнева.

- Проклятые лентяи! За что только этим негодьям деньги платят! - загремел он. - Мне было слышно - они смеялись, когда я излагал им свою вполне справедливую жалобу. Это заговор, дабы докучать мне! А теперь, юный друг, еще и вы явились сюда, чтобы довершить бедствия злополучного утра. Вы здесь, позвольте узнать, по собственной воле, или же ваша газетенка отправила вас заполучить у меня некое интервью? Как у друга, у вас, разумеется, есть привилегии, но как журналист - можете убираться!

Я лихорадочно шарил в кармане в поисках письма от Мак-Ардла, но тут профессору на память пришел еще новый повод для недовольства. Огромные волосатые руки его рылись в бумагах на столе и наконец извлекли оттуда газетную вырезку.

- Весьма мило с вашей стороны упомянуть обо мне в одном из ваших последних литературных опусов, - сказал он, негодующе потрясая передо мной листом. - Это было в каких-то дурацких замечаниях касательно останков ископаемого ящера, недавно обнаруженных в соленгофских сланцах. Вы начинаете абзац со слов: Профессор Дж. Э. Челленджер, принадлежащий к величайшим умам современности...

- И что же, сэр? - осведомился я.

- К чему подобные возмутительно несправедливые определения и ограничения? Можно подумать, будто вы в состоянии сказать, кто они, эти другие выдающиеся мужи, которым вы приписываете равенство, а то, чего доброго, еще и превосходство надо мною?

- Я неудачно выразился, сэр. Разумеется, мне следовало бы сказать: Профессор Челленджер, величайший ум современности, - согласился я, и сам совершенно убежденный в правоте этих слов. Мое признание сразу же обратило зиму в лето.

- Дорогой мой юный друг, не думайте, что я придираюсь, отнюдь. Но, будучи окружен задиристыми и безмозглыми коллегами, человек, оказывается, вынужден защищаться. Вы знаете, мой друг, самоутверждение чуждо моей натуре, но мне приходится отстаивать свои принципы перед бездарными оппонентами. А теперь проходите! Садитесь! Что же привело вас ко мне в этот час?

Мне следовало приступить к делу крайне осмотрительно, поскольку я знал, что малейшая неосторожность - и лев снова зарычит. Я развернул письмо Мак-Ардла.

- Могу ли я зачитать вам это, сэр? Письмо от Мак-Ардла, моего редактора.

- Как же, помню его: не самый гнусный представитель журналистского племени.

- По крайней мере, сэр, он исключительно высоко ценит вас и искренне вами восхищается. И когда требуется, я бы сказал, высочайшее качество экспертизы, он всегда обращается именно к вам. Вот и сейчас я здесь по этой самой причине.

- Что же ему угодно? - под влиянием лести Челленджер охорашивался подобно индюку. Он уселся, положив локти на стол, сцепив свои огромные, как у гориллы, руки; борода его топорщилась, а большие серые полуприкрытые глаза милостиво остановились на мне. Он был велик во всем, что бы ни делал, и его благожелательность подавляла сильнее, нежели гнев.

- Я прочту вам его записку ко мне, сэр. Вот что он пишет:

Дорогой Мелоун, пожалуйста, как можно скорее повидайте нашего высокоуважаемого друга, профессора Челленджера, и попросите его о содействии в следующем деле. Некий латвийский джентльмен по имени Теодор Немор, проживающий в Уайт-Фрайер-Меншэнс, в Хэмпстеде, утверждает, что он будто бы изобрел машину самого необычного свойства, способную дезинтегрировать любой материальный объект, расположенный в пределах ее влияния. Под ее действием материя, составляющая тела живой и неживой природы, якобы разлагается и возвращается в свое молекулярное или атомическое состояние. При этом, направив процесс в обратную сторону, объект можно восстановить в первоначальном виде. Заявление представляется несколько нелепым, и все же существуют неоспоримые доказательства, что для него имеются определенные основания и что этот человек действительно натолкнулся на какое-то замечательное открытие.

Нет нужды распространяться ни о том, какую революцию подобное открытие произведет в жизни человечества, ни о чрезвычайной важности этого изобретения в случае применения его в качестве оружия нового типа. Держава, которая, хоть единожды, смогла бы дезинтегрировать таким образом военный корабль или превратить батальон противника в кучку атомов, стала бы властительницей мира. По соображениям социального и политического свойства надлежит не теряя ни минуты разобраться в сути изобретения. Намереваясь подороже продать его, автор рвется к известности, поэтому встретиться с ним не составит труда.

Прилагаемая визитная карточка откроет перед вами двери его дома. Я бы очень желал, чтобы вы и профессор Челленджер встретились с этим инженером, изучили его изобретение и написали для Газетт. взвешенный отчет о ценности данного открытия. Надеюсь сегодня вечером услышать о результате вашей поездки.

Р. Мак-Ардл.

- Таковы полученные мною указания, профессор, - добавил я, складывая письмо. - Я горячо надеюсь, что вы не оставите меня одного и поедете со мною, ведь где же мне самому, сэр, с моими-то ограниченными способностями, разобраться в подобном деле?

- Верно, Мелоун! Верно! - умиротворенно замурлыкал великий человек. - Хотя вы никоим образом и не лишены природного ума, но я согласен, что проблема, которую вы изложили, вам не по плечу. Этот бесцеремонный телефон уже расстроил мне утреннюю работу, и тут уж ничего не поделаешь. Между прочим, я тружусь сейчас над ответом этому итальянскому шуту Мазотти. Его взгляды на развитие личинок тропического термита достойны лишь насмешки и всяческого презрения. Но с окончательным разоблачением мошенника можно подождать и до вечера. Так что, мой юный друг, я к вашим услугам.

Вот как вышло, что в то октябрьское утро я оказался вместе с профессором в вагоне подземной дороги, мчавшем нас по туннелю на север Лондона. Я и не подозревал тогда, что стою на пороге одного из самых удивительных приключений в моей богатой событиями жизни.

Уезжая с Энмор-Гарденс, я по телефону (которому только что так досталось) заранее удостоверился, что изобретатель дома, и предупредил его о нашем визите. Жил он в комфортабельной квартире в Хэмпстеде. Когда мы приехали, хозяин добрых полчаса продержал нас в приемной. Все это время он оживленно беседовал с группой посетителей. По их голосам можно было понять, что это русские.

Я мельком глянул на них через полуоткрытую дверь, когда они наконец стали прощаться с хозяином в холле, и у меня сразу же сложилось о них впечатление как о состоятельных и интеллигентных людях; в блестящих цилиндрах, в пальто с астраханским воротом у них был вид процветающих буржуа, который так любят напускать на себя преуспевающие коммунисты.

Входная дверь затворилась за ними, и в следующую минуту Теодор Немор вошел в комнату. Я и сейчас вижу, как он стоит в солнечном свете, потирая длинные тонкие руки, с широкой улыбкой, застывшей на неприятном лице, и рассматривает нас хитрыми желтыми глазками.

Это был низенький толстяк. В теле его ощущалось какое-то неуловимое уродство, хотя и трудно было определить, в чем именно оно заключается. Вполне можно было назвать его горбуном без горба. Большое дряблое лицо походило на недоделанную клецку, точно такого же цвета и консистенции, а украшавшие лицо прыщи и бородавки угрожающе выступали на его мертвенно-бледной коже. Глаза были как у кота, и по-кошачьи топорщились редкие и длинные колючие усы над неопрятным и слюнявым ртом. Все в его лице казалось гадким и омерзительным, пока дело не доходило до рыжеватых бровей. Над ними располагался великолепный черепной свод, какой мне редко прежде доводилось видеть. Даже шляпа Челленджера, я думаю, могла бы прийтись этой величественной голове впору. Если судить по нижней части лица Теодора Немора, он мог принадлежать к подлым, коварным заговорщикам, а верхняя указывала, что его должно причислить к великим мыслителям и философам мира сего.

- Ну-с, джентльмены, - заговорил он бархатным голосом, в котором чувствовался легкий иностранный акцент, - вы приехали, насколько я понял из нашего краткого разговора по телефону, чтобы поближе познакомиться с дезинтегратором Немора? Не так ли?

- Совершенно верно.

- Могу я поинтересоваться: вы представляете Британское правительство?

- Вовсе нет. Я - корреспондент Дейли газетт, а это - профессор

Челленджер.

- О, знаменитое имя, я бы сказал - имя европейской известности, - улыбка подобострастной любезности обнажила желтые клыки. - Да, так вот. Я хотел сказать, что Британское правительство уже упустило свой шанс. Что еще оно упустило, возможно, выяснится позднее. Вполне вероятно, что оно упустило свою империю. Да, джентльмены, я готов был продать свое изобретение первому правительству, которое предложило бы мне за него соответствующую цену. И если сейчас дезинтегратор попал в руки тех, кого вы, скорее всего, не одобряете, то винить вам остается только самих себя.

- Так, стало быть, вы уже продали свое изобретение?

- Да, за цену, назначенную мною самим.

- Вы полагаете, что приобретший его станет монополистом?

- Несомненно.

- Но его секрет известен другим так же хорошо, как и вам.

- Ничего подобного, сэр, - тут он коснулся своего огромного лба, - вот сейф, где надежно заперт мой секрет. Сейф этот куда прочнее стального и защищен кое-чем посерьезнее, нежели замок с шифром. Кому-то может быть известна одна сторона моего открытия, другим - другая. Но никто на свете, кроме меня, не знает всего целиком.

- Вы, по-моему, забываете тех джентльменов, которым уже продали его.

- Нет, сэр; я не настолько безрассуден, чтобы передать свое знание кому бы то ни было, пока мне не выплачены деньги. Поскольку они покупают его у меня, то пусть и перемещают этот сейф, - он снова дотронулся до своего лба, - со всем его содержимым, куда пожелают. Мои обязательства в этой сделке, таким образом, будут выполнены - добросовестно, неукоснительно выполнены. И после этого начнется новая история человечества.

Он потерял руки, и неподвижная улыбка на его лице исказилась, перейдя в хищный оскал.

- Вы, конечно же, извините меня, сэр, - зарокотал Челленджер, до сей поры сидевший в полном молчании, но его выразительное лицо выказывало при том крайнее неодобрение словам и поведению Теодора Немора. - Однако прежде, чем обсуждать саму проблему, нам бы хотелось убедиться, что предмет для обсуждения вообще существует, так как у нас есть веские основания в этом сомневаться. У нас еще в памяти недавний случай, когда один итальянец претендовал на создание мины с дистанционным управлением, но предварительное ознакомление с сутью работы показало, что он просто-напросто отъявленный мошенник. И эта история может повториться. Вы понимаете, сэр, что я весьма дорожу своей репутацией ученого - репутацией, которую вы любезно назвали европейской, хотя смею думать, мое имя известно и в Америке. Осторожность - необходимый атрибут науки, и вам придется представить нам доказательства, дабы мы могли отнестись к вашим притязаниям серьезно.

Желтые глаза Немора как-то особенно зло посмотрели на моего спутника, но лицо его при этом расплылось в улыбке притворного добродушия.

- Вы достойны своей репутации, профессор. Я часто слышал, что вы как раз тот человек, обманывать которого едва ли и стоит пытаться. И я готов провести перед вами наглядный опыт, каковой непременно убедит вас в реальности моих достижений. Но прежде, чем перейти к нему, я должен сказать несколько слов касательно главного принципа, лежащего в основе работы моей машины.

Вы понимаете, что опытная установка, которую я собрал здесь в своей

лаборатории, - всего лишь модель, хотя в отпущенных ей пределах она и работает превосходно. Было бы совсем несложно с ее помощью дезинтегрировать, например, вас, уважаемый, а затем воссоздать вновь. Но не ради таких занятий одно из самых могущественных государств готово заплатить мне цену, выражающуюся в миллионах. Моя модель просто научная игрушка. Приложите эту силу в большем масштабе - и вы достигнете невероятных практических результатов.

- Можно ли нам увидеть эту модель?

- Вы не только увидите ее, профессор Челленджер, но и испытаете ее работу на себе самом, если, конечно, у вас хватит мужества решиться на это.

- Если хватит мужества! - зарычал лев. - Ваше если, сэр, в высшей степени оскорбительно.

- Ну, ну, ну... Я вовсе не собираюсь оспаривать ваше мужество. Я хочу только заметить, что предоставляю вам полную возможность проявить его. Но сперва несколько слов о законах, лежащих в основе дезинтеграции и управляющих ею.

Когда известные кристаллы, соль, к примеру, или сахар, помещают в воду, они растворяются в ней и исчезают. И не узнаешь, что они когда-то в ней находились. Затем, если путем выпаривания или как-то иначе уменьшить количество воды, то наши кристаллы опять окажутся перед нами, мы снова их видим, и они точно такие же, как и раньше. В состоянии ли вы представить себе процесс, посредством которого вы, органическое существо, точно так же постепенно растворяетесь в пространстве, а затем, благодаря обратному изменению условий, появляетесь вновь?

- Это ложная аналогия! - вскричал Челленджер. - Даже если я сделаю столь чудовищное допущение, будто молекулы нашего тела может рассеять некая разрывающая сила, то с какой стати они вновь составятся точно в том же порядке, как раньше?

- Такое возражение не отличается глубиной и не касается сути дела. Я могу сказать вам на это только то, что молекулы, вплоть до последнего атома, вновь воссоздают структуру, которую они ранее составляли. Существует незримая матрица, и благодаря ей каждый кирпичик структуры попадает на свое настоящее место. Можете улыбаться, профессор, но ваш скептицизм и улыбка вскоре сменятся совсем иными чувствами.

Челленджер пожал плечами:

- Я вполне готов перейти к испытаниям.

- Есть и еще кое-что, что мне бы хотелось довести до вашего сведения, джентльмены, так как это поможет вам уразуметь мою идею. Из восточной магии и западного оккультизма вам должно быть известно о феномене аппорта, когда некий предмет внезапно переносится со значительного расстояния и появляется на новом месте. Как же это возможно сделать, если не освобождением молекул, их перемещением по эфирной волне и последующим их воссоединением, когда каждая из них встает в точности на свое место, будучи направлена туда действием непреодолимого закона? Вот, как мне кажется, настоящая аналогия с тем, что совершает моя машина.

- Нельзя объяснить что-либо невероятное при помощи другого невероятного, - изрек Челленджер. - Я не верю в ваши аппорты, мистер Немор, и не верю в вашу машину. Мое время дорого, и если нам предстоит увидеть демонстрацию вашего дезинтегратора - или как там его еще, - то я бы попросил вас перейти к делу без дальнейших церемоний.

- Тогда благоволите следовать за мной, - проговорил изобретатель. Он

повел нас из квартиры по лестнице вниз и далее через маленький садик. Там помещался просторный флигель. Хозяин отпер дверь, и мы вошли внутрь.

В нем оказалась большая выбеленная комната с бесчисленными медными проводами, свисавшими с потолка в виде гирлянд, и огромный магнит, установленный на возвышении. Перед ним было нечто, похожее на призму из стекла фута три длиной и около фута в диаметре. Справа от нее был стул, установленный на цинковой платформе, а над ним висел полированный медный колпак. Как к стулу, так и к колпаку протянулись тяжелые провода, а сбоку находился своего рода храповик с пронумерованными прорезями и покрытой резиной ручкой, которая сейчас стояла на нулевой отметке.

- Дезинтегратор Немора, - сказал этот непостижимый человек, махнув рукой в сторону машины. - Перед вами модель аппарата, которому суждено прославиться, изменив соотношение сил между нациями. Кто владеет этой машиной, владеет и всем миром. Вы же, профессор Челленджер, тем не менее отнеслись ко мне, позволю себе заметить, без должной учтивости и уважения. Осмелитесь ли вы теперь сесть на этот стул, дабы позволить мне на вашей собственной особе продемонстрировать возможности новой, неведомой силы?

Челленджер обладал мужеством льва, и всякий вызов, брошенный его достоинству, был способен довести его до неистовства. Он, было, решительно направился к машине, но я успел схватить его за руку и попытаться остановить.

- Вы не можете пойти на это, - сказал я. - Ваша жизнь слишком драгоценна. Это ведь, в конце концов, просто чудовищно. Что может гарантировать вашу безопасность? Ближайшим подобием этого аппарата, которое я когда-либо видел, - был электрический стул в американской тюрьме.

- Мою безопасность гарантирует то, что свидетель - вы, и если со мной что-нибудь случится, то этого субъекта привлекут к ответственности за человекоубийство.

- Это слабое утешение для мировой науки, сэр, ведь вы оставите незавершенной работу, которую, кроме вас, никто сделать не сможет. По крайней мере, позвольте пойти первым мне, и тогда, если опыт окажется совершенно безвредным, можете последовать и вы.

Сама по себе опасность, разумеется, никогда бы не остановила Челленджера, но мысль о том, что его научная работа может остаться незавершенной, сильно его озадачила. Он заколебался, и прежде, чем он успел принять решение, я ринулся вперед и шлепнулся на стул. Я видел, как изобретатель взялся за ручку. И услышал какой-то щелчок. Затем на долю секунды появилось странное ощущение путаницы и смятения, перед глазами поплыл туман. Когда он развеялся, передо мной все еще стоял изобретатель со своей гнусной улыбкой, а побледневший Челленджер пристально всматривался в меня из-за его плеча. Щеки профессора, обычно румяные как яблоко, утратили свой цвет.

- Ну, давайте же! - сказал я.

- Уже все позади. Вы реагировали восхитительно, - ответил Немор. - Вставайте, пожалуйста, и теперь профессор Челленджер, надо надеяться, готов, в свою очередь, приступить к эксперименту.

Мне никогда не доводилось видеть моего старого друга в такой растерянности. Казалось, его железные нервы на какое-то мгновение совершенно сдали. Он схватил меня под локоть дрожащей рукой.

- Боже мой, Мелуун, это правда, - сказал он. - Вы исчезли. В этом нет никакого сомнения. Сначала был туман, а потом пустота.

- Сколько же я отсутствовал?

- Минуты две или три. Признаюсь, я был в ужасе. Я уже не мог вообразить, что вы вернетесь. Затем он щелкнул этим тумблером, если это тумблер, переведя его на другое деление, и вот вы снова на стуле, правда, слегка сбитый с толку, но тем не менее живой и невредимый. Я возблагодарил Бога, увидев вас!

Большим красным платком он вытер пот с влажного лба.

- Итак, сэр? - спросил изобретатель. - Или, быть может, вам изменило мужество?

Челленджер явно сделал над собой усилие. Затем, оттолкнув мою протестующую руку, он уселся на стул. Ручка управления щелкнула и застыла на третьем делении. Челленджера не стало.

Я, несомненно, пришел бы в ужас, если бы не совершенное хладнокровие оператора.

- Прелюбопытный процесс, не правда ли? - заметил он. - Принимая во внимание, сколь поразительна личность профессора, странно подумать, что сейчас он - всего лишь молекулярное облако, висящее где-то в этой комнате. Разумеется, он теперь всецело находится в моей власти. Пожелай я оставить его в таком подвешенном состоянии, ничто на свете не помешает мне.

- Я быстро найду способ, как помешать вам.

И вновь его улыбка превратилась в хищный оскал.

- Не воображаете ли вы, что подобная мысль в самом деле была у меня на уме? Боже упаси! Ведь только представить себе: окончательный распад профессора Челленджера! - исчез, растворился в пространстве, не оставив никаких следов. Ужасно! Просто ужасно! В то же время он не был со мной настолько учтив, как следовало бы. Не кажется ли вам, что небольшой урок...

- Нет, не кажется.

- Хорошо, назовем это назидательной демонстрацией. Это будет, скажем, нечто такое, что даст материал для курьезной заметки в вашу газету. К примеру, я открыл, что волосы на теле, поскольку они находятся на совершенно особой вибрационной частоте по отношению ко всей остальной живой органической ткани, могут по желанию быть включены в воссоздающуюся структуру или же удалены из нее. Мне было бы интересно взглянуть на медведя без его щетины. Получайте!

Щелчок тумблера, и секундой позже Челленджер вновь восседал на стуле. Но что за Челленджер! Какой-то остриженный лев! Хотя я изрядно рассердился дурной шутке, каковую позволил себе в отношении профессора изобретатель, все же я едва удержался от хохота.

Его огромная голова была лысой, как у младенца, а подбородок гладким, как у девушки. Лишенная своей великолепной бороды, нижняя часть лица сильно смахивала на окорок, и профессор был похож теперь на старого гладиатора, поколоченного и обрюзгшего, массивная бульдожья челюсть которого нависала над двойным подбородком.

Вероятно, на наших лицах было какое-то особое выражение - не сомневаюсь, во всяком случае, что дьявольская ухмылка мистера Немора стала при этом зрелище еще шире, - но, как бы то ни было, рука Челленджера устремилась к лицу и голове, и он осознал произошедшую перемену. В ту же минуту он вскочил со стула, схватил изобретателя за горло и швырнул на пол. Зная невероятную силу Челленджера, я подумал, что час Немора пробил.

- Ради Бога, осторожнее! Ведь если вы убьете его, мы никогда не сможем поправить дела! - вскричал я.

Мои слова возымели действие. Даже в минуты безумного гнева Челленджер всегда был открыт доводам разума. Он вскочил на ноги, потащив за собой дрожащего изобретателя.

- Даю пять минут, - задыхаясь от ярости, выговорил он. - Если через пять минут я не стану таким, как прежде, то вытрясу душу из вашей пакостной оболочки!

С Челленджером, когда он впадал в ярость, спорить было отнюдь не безопасно. Самый храбрый человек и тот дрогнул бы; что уж там говорить о мистере Неморе, который явно не отличался особой смелостью. Напротив, прыщи и бородавки на его лице неожиданно стали виднее прежнего, потому как оно переменяло обычный для себя цвет замазки на белый цвет рыбьего брюха. Руки и ноги у него дрожали, он еле-еле мог ворочать языком.

- И правда, профессор, - залепетал он, держась рукой за горло, - такое насилие совсем ни к чему. Безобидная шутка, мне подумалось, вполне может быть уместна в кругу друзей. Моим желанием было только продемонстрировать вам возможности своей машины. Мне показалось, что вам хотелось увидеть полную демонстрацию. Ни о каком оскорблении достоинства, уверяю вас, профессор, не могло быть речи!

Вместо ответа Челленджер забрался обратно на стул.

- Не спускайте с него глаз, Мелоун. Не разрешайте ему никаких вольностей!

- Я прослежу за этим, сэр.

- А теперь, милейший, уладьте дело, не то вам придется ответить за содеянное.

Напуганный изобретатель приблизился к машине. Восстановительная сила ее была пущена на полную мощность, и через минуту старый лев вновь предстал перед нами, украшенный своей спутанной гривой. Обеими руками он любовно разгладил бороду, затем провел по макушке, как бы желая убедиться в своей полной реставрации. После чего он торжественно сошел со своего наместа.

- Вы позволили себе бесцеремонность, сэр, которая едва не возымела для вас весьма серьезные последствия. Однако я принимаю ваше объяснение, что вы сделали это исключительно в целях демонстрации. А теперь я намерен задать вам несколько конкретных вопросов по поводу свойств этой удивительной энергии, об открытии которой вы заявили.

- Я готов ответить на любой из ваших вопросов, кроме того, какова природа и источник данной энергии. Это моя тайна.

- Так вы действительно утверждаете, что никому в мире, кроме вас, она не известна?

- Ни у кого нет о ней ни малейшего понятия.

- А у вас не было помощников?

- Нет, сэр. Я работаю один.

- Вот как! Невероятно интересно. Вы рассеяли мои сомнения относительно факта существования этой энергии, но я еще не постиг, в чем, собственно, ее практическое значение.

- Как я уже объяснял, это только модель. Но, разумеется, очень легко построить установку большего размаха. Как вы понимаете, в данном случае дезинтегратор действовал лишь по вертикали. Определенные токи над объектом и определенные под ним создают некоторые вибрации, которые либо дезинтегрируют, либо восстанавливают материальные объекты. Но процесс может идти и по горизонтали. В этом случае эффект действия его был бы аналогичен, но он покрыл бы земное пространство пропорционально силе

своего тока.

- Приведите пример.

- Предположим, что один полюс находится на одном катере, а другой - на другом. Тогда военный корабль, попавший в поле между ними, просто-напросто исчезнет, распавшись на молекулы. Точно та же участь постигнет и любое войсковое соединение.

- И вы уже продали этот секрет с монопольным правом собственности одной из европейских держав?

- Да, сэр, продал. И как только они заплатят мне деньги, они получают в свое распоряжение такую силу, которой ни одна нация до сего времени не обладала. Даже сейчас вы не в состоянии представить всех возможностей моего изобретения, если оно попадет в умелые руки, то есть в руки, не боящиеся пользоваться оружием, которое они держат. Эти возможности неизмеримы и беспредельны, - злорадная улыбка пробежала по дьявольскому лицу этого человека. - Представьте себе какой-нибудь квартал, например, в Лондоне, где установлены подобные машины. Вообразите эффект такого потока энергии в пределах, легко определяемых по воле оператора. Что ж, - он разразился отвратительным хохотом, - я уже вижу целую долину Темзы начисто выметенной. И ни единого мужчины, ребенка или женщины не осталось бы ото всех кишачих здесь миллионов человеческих существ!

Ужас объял меня при этих словах, но еще более ужаснуло меня воодушевление, с которым они были сказаны. Однако на моего спутника они, по-видимому, оказали совсем иное действие. К моему изумлению, Челленджер расплылся в добродушной улыбке и дружески протянул изобретателю руку.

- Итак, мистер Немор, следует вас поздравить, - заявил он. - Нет сомнения, что вы завладели замечательной собственностью: могучей силой природы и обуздали ее, и теперь человек может использовать ее в своих целях. Весьма, конечно, прискорбно, что применение это неизбежно должно быть разрушительным, но наука не знает различий подобного рода, а лишь следует знанию, куда бы оно ни вело. Помимо принципа, лежащего в основе действия машины, у вас, я полагаю, нет возражений относительно того, чтобы я ознакомился с ее конструкцией?

- Ни в коей мере. Машина всего лишь тело. А вот душой ее, оживляющим ее принципом вы, профессор, разглядывая это тело, завладеть никак не сможете.

- Безусловно. Но даже и ее механизм представляется творением великого мастера, большого, я бы позволил себе заметить, знатока своего дела. - Некоторое время Челленджер расхаживал вокруг машины, трогал и щупал руками отдельные ее части. После чего он вновь поместил свое громоздкое туловище на стул с электроизоляцией.

- Не угодно ли вам совершить еще одну экскурсию в пространство? - удивился изобретатель.

- Позже, пожалуй, позже. Между прочим, тут у вас, - вы, наверное, знаете об этом, - имеется небольшая утечка электричества. Я, сидя здесь, отчетливо ощущаю, как через меня проходит слабый ток.

- Не может этого быть. Стул тщательно изолирован.

- Но уверяю вас, я чувствую контакт с электричеством, - Челленджер спустился с насеста наземь.

Изобретатель поспешил занять его место.

- Я ничего не чувствую, - заявил он.

- А разве нет дрожи внизу позвоночника?

- Нет, сэр, я ничего не чувствую.

Тут последовал резкий щелчок, и Немор исчез. В изумлении я воззрился на Челленджера:

- Силы небесные! Вы трогали машину, профессор!

Он милостиво улыбнулся мне с видом легкого недоумения.

- Вот так так! Вероятно, я нечаянно дотронулся до ручки управления, - сказал он. - Да, вот именно так и происходят несчастные случаи, а все из-за того, что эта модель слишком грубо сделана. Такой рычаг следовало бы снабдить предохранителем.

- Он стоит на цифре три. Эта отметка указывает на дезинтеграцию.

- Да, я это видел, когда опыт проводили над вами.

- Но я был так взволнован, когда он вернул вас назад, что даже не посмотрел, на какой отметке стоит возвращение. А вы заметили?

- Я бы мог заметить, мой юный друг, но я не обременяю свой ум мелкими деталями. Здесь много делений, и мы не знаем их назначения. Мы можем только ухудшить дело, если станем экспериментировать с неизвестным. Наверное, лучше оставить все, как есть.

- И вы намерены...

- Безусловно. Так оно лучше. Небезынтересная личность мистера Теодора Немора растворилась в пространстве, его машина теперь бесполезна, а некое иностранное правительство осталось без знания, посредством коего оно могло бы причинить много вреда. Мы с вами неплохо поработали нынешним утром, мой юный друг. Ваша газетенка, несомненно, напечатает теперь занимательный репортаж о необъяснимом и таинственном исчезновении одного латвийского изобретателя как раз во время визита ее собственного специального корреспондента к нему на квартиру. Не скрою, я получил истинное удовольствие от проделанного эксперимента. Такие светлые минуты приходят, чтобы озарить скучную рутину повседневной деятельности необычным светом. Но в жизни, мой юный друг, есть не только удовольствия, но также и обязанности. И сейчас я возвращаюсь к своему итальянцу Мазотти и его нелепым взглядам на развитие личинок тропического термита.

Я оглянулся. Мне почудилось, что легкий маслянистый туман все еще окутывает стул.

- Но все-таки... - начал было я.

- Первой обязанностью законопослушного гражданина является предотвращение убийства, - изрек профессор Челленджер. - Я так и поступил. Довольно, Мелоун, довольно! Тема исчерпана и не стоит обсуждений. Она и так уже слишком надолго отвлекла мои мысли от дел более важных.